

в 1992 г.

М.М. НАЗАРОВ

ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ (Москва, середина 1991 г.)

НАЗАРОВ Михаил Михайлович — кандидат философских наук, научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской Академии наук.

Постановка задачи

Цель работы — описание сложившихся типов массового сознания в координатном поле тех политико-идеологических составляющих, которые находились в фокусе общественного внимания в 1990 — первой половине 1991 г. Особенности политического сознания анализируются также в связи с отношением к спектру сил, действовавших на политической арене, коммуникативным поведением респондентов. Сделана попытка определить некоторые общие черты, свойственные различным типам политического сознания. Законченную концепцию сейчас предложить достаточно сложно. Мы ограничимся гипотезой о мозаичности, фрагментарности, эмпирической разорванности политико-идеологических представлений.

Социально-политический контекст

Перечислим важнейшие события и процессы анализируемого периода.

В сфере внутривнутриполитической жизни к таковым следует отнести: законодательную активность высших органов власти страны и республик, процессы перераспределения власти в центре и на местах, образование институтов президентской власти; незатухающие межэтнические конфликты практически по всей стране; значительное распространение и влияние различных форм политического протеста, забастовки или угрозы забастовок в базовых отраслях промышленности; рост влияния общественно-политических движений, институализация новых партий; существенное расширение политико-идеологического спектра материалов средств массовой информации (СМИ), особенно печати. В сфере международной: быстрые изменения в политических системах государств Восточной Европы, процесс объединения Германии, война в Персидском заливе, артикуляция позиции ведущих промышленно развитых государств относительно реформ в Советском Союзе.

В 1988 г. резко ухудшается социально-экономическая ситуация на потребительском рынке, обостряется проблема дефицита. В 1989—1991 гг. расстройство финансов и денежного обращения продолжалось.

В середине 1989 г. под влиянием социальной напряженности началось резкое падение производства важнейших видов продукции, развивалось нормирование снабжения, продолжалось увеличение задолженности в конвертируемой валюте. Нарастала политизация экономики: согласие относительно путей распределения ограниченных ресурсов достигалось за счет печатного станка. Наблюдалась регионализация экономики по нарастающей в сторону ликвидации единого экономического пространства.

Выделим еще два фактора, значимых для характеристики социально-политического контекста исследования. Первый касается изменения роли политики в жизни людей и — шире — типа политической культуры, сложившегося в доперестроечное время. Этот тип, как известно, сочетал политическую апатию и отсутствие идентификации с нормами режима. В перестроечное время начинаются трансформации, причем одна из особенностей — политизация сознания.

«Расширение сферы политического интереса противоборствующих социальных сил, переплетение в реальной общественной жизни собственно политических вопросов с нравственными, религиозными ведут к изменению предмета политического сознания. В его поле

попадают теперь не только вопросы, имеющие непосредственное отношение к вопросу властвования, т.е. к участию в делах государства, управления, собственности, распределения доходов, равенства, но и вопросы, имеющие религиозно-нравственный характер. В целом можно сказать, что в качестве предмета политического сознания сегодня выступают чуть ли не все стороны жизнедеятельности общества и личности» [1, с. 18—19]. Эти выводы актуальны и для понимания обозначенного нами периода.

Второй фактор связан с отношением людей к перестройке, с характеристиками общественной атмосферы в целом.

Широким слоям общества первые перестроечные годы рисовались как нечто, что должно дать быстрый и осязаемый позитивный результат во многих сферах, прежде всего самых насущных. На формирование именно такого восприятия реформ была направлена деятельность мощного тогда аппарата и СМИ. Расхожими пропагандистскими клише того периода стали представления о первых двух—трех годах перестройки как решающих, о том, что сейчас трудно, но потом станет легче и т.п. Естественно, это нашло отклик и породило чрезмерно высокий уровень ожиданий.

Однако практика реализации реформ оказалась сложнее. В течение последних трех лет экономика страны пришла в состояние системного кризиса и, соответственно, на уровне массового сознания подавляющего большинства групп населения зафиксировано резкое ухудшение основных параметров жизнедеятельности — от материального положения до медицинского обслуживания и уровня преступности. Одновременно изменилось отношение к перестройке, возник кризис доверия как следствие нереализованных ожиданий.

Вместе с тем, крушение перестроечных надежд сопряжено с рядом других характеристик общественного сознания. При ответах на номинальный вопрос о наиболее распространенных настроениях людей из ближайшего окружения респондентов лидирующей как в 1990, так и в 1991 г. оказалась следующая характеристика — страх перед будущим, неуверенность в завтрашнем дне [2, с. 16].

Таким образом, существенной чертой массового сознания исследуемого периода можно считать рассогласование надежд и реальностей и говорить о фрустрационных явлениях на этой основе.

Методика

Эмпирическую основу анализа составили данные сравнительного исследования, проведенного в Москве в апреле—мае 1990 и мае—июне 1991 г. Разведывательный план определял использование квотной выборки, при этом известную роль играли требования невысокой стоимости и относительной простоты организации полевого этапа. Исследование охватывало занятое население Москвы в возрасте от 16 лет и старше. Число опрошенных — 480 (в 1990г.) и 530 (в 1991 г.). Аудиторный метод опроса при всех его недостатках обеспечивал высокий уровень заполнения опросника¹, который состоял из серии текстовых фрагментов-высказываний, отражающих актуальные проблемы политико-идеологической сферы. Сюда же были включены переменные, отражающие информированность и поддержку политических партий и движений, коммуникативную активность в отношении печати, элементы электорального поведения, отношение к историческому прошлому, ориентации респондентов на неполитические ценности, удовлетворенность различными сторонами жизни, социально-демографические характеристики. Большинство тематических разделов 1990 и 1991 гг. сопоставимы.

В нашем случае, когда исходные представления о структуре первичных данных ограничены, наиболее подходит метод использования эмпирической типологии. Одним из алгоритмов многомерной классификации, позволяющих решить задачу эмпирической типологии, является процедура кластерного анализа. Суть ее состоит в разбиении исходного признакового пространства на группы (кластеры, классы) таким образом, чтобы в каждом из них находились «близкие», «похожие» между собой объекты. К первичному признаковому пространству нами применялась процедура Quick-cluster [3].

¹ Исследование проводилось Центром изучения политических и межнациональных отношений Института социально-политических исследований АН России.

Номера кластеров	Номера признаков							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1 (155)*	4,4	2,3	4,1	2,7	4,1	1,8	4,2	3,9
2 (124)	4,2	3,6	4,1	2,4	2,4	3,7	4,2	4,1
3 (76)	2,2	4,5	2,2	4,4	2,3	4,1	2,2	4,0
4(134)	3,1	4,1	3,2	3,8	3,6	4,0	3,9	3,0
5 (22)	4,1	2,0	3,4	1,0	4,1	1,8	1,4	3,9
6 (19)	1,3	0,8	0,6	0,2	0,3	0,3	1,0	0,7

* В скобках указано абсолютное число респондентов в типологических группах. Низкое статистическое наполнение кластеров 5 и 6 исключило их из последующего рассмотрения.

Исходное поле признаков для формирования типологии составляли текстовые фрагменты-высказывания. Они представляли собой оценочные суждения о фактах или явлениях политико-идеологической сферы, отражали различные политико-идеологические ориентации, проводившиеся прессой в 1989—1990 гг. По форме фрагменты — развернутые оценочные суждения длиной в 5—8 строк.

Процедура отбора текстовых фрагментов состояла из двух этапов. На первом отобрано 100 текстовых фрагментов, опубликованных в центральных газетах и журналах. Содержание фрагментов касалось проблем, ставших предметом острой политической полемики и представляющих собой своеобразные полюса общественного внимания. Тематически внимание было сосредоточено на таких ключевых вопросах как формы собственности, пути общественного развития, политическое устройство. Мы стремились к тому, чтобы здесь были адекватно представлены различные политико-идеологические ориентаций.

На втором этапе сформирована судейская группа — интеллигенция, студенты, пенсионеры — в составе 40 человек. Сначала судьям предлагалось отобрать текстовые фрагменты, которые, по их мнению, не являются двусмысленными. Затем отобранные суждения предлагалось оценить по степени согласия с их основной идеей (использовалась пятичленная шкала). Таким образом получено распределение судейских оценок каждого, кроме исключенных из рассмотрения, фрагмента.

Критерием включения конкретного текстового фрагмента в окончательный вариант методики послужил вид распределения судейских оценок. Предпочтение отдавалось тем фрагментам, которые в максимальной степени дифференцировали аудиторию.

Ниже приведены краткие смысловые значения каждого из классовобразующих текстовых фрагментов-признаков:

1 — позитивное видение приватизации как способа повышения продуктивности в экономике и роста благосостояния;

2 — негативное отношение к частной собственности и ее следствию — существенной дифференциации;

3 — социализм бесперспективен и будет демонтирован;

4 — предпочтение социалистических идеалов;

5 — отношение к демократии как к высшему благу, ради которого можно смириться с ростом экономического неравенства;

6 — «западный вариант реформ» — это долги, разорение природы и новая политическая диктатура;

7 — негативное отношение к поискам особого пути развития России;

8 — утверждение о том, что лишь постепенные реформы могут привести к долговременному успеху.

Отношение к каждому из приведенных признаков измерялось по пятичленной шкале со следующими градациями: 1 — «не согласен»; 2 — «скорее не согласен, чем согласен»; 3 — «затрудняюсь ответить»; 4 — «скорее согласен, чем не согласен»; 5 — «согласен».

Результаты классификации в пространстве исходных признаков показали, что типология состоит из шести кластеров. Средние значения признаков в каждом кластере указаны в таблице (данные за май—июнь 1991 г.).

Особенности типологических групп

Приведем содержательные параметры основных групп, составляющих типологию политического сознания.

Кластер 1. «Сторонники либеральных реформ». В данной типологической группе активно поддерживались идеи о конкуренции на основе частной собственности как средстве разрешения стоящих перед обществом проблем; о необходимости демонтажа социализма. Респонденты рассматривали демократию как высшую ценность, ради которой можно смириться с ростом экономического неравенства, выступали за реформы «западного типа» и, соответственно, негативно относились к поискам особого пути развития России.

Кластер 2. «Умеренные реформисты». По пяти из восьми классообразующих признаков данная группа является сходной с предыдущей. Вместе с тем, респонденты в значительно большей степени были озабочены возможностью появления массовой безработицы и прочими негативными последствиями реализации реформ.

Кластер 3. «Сторонники социалистических идеалов». Типологическая группа практически противоположна по своим качественным характеристикам кластеру 1.

Кластер 4. «Скептики». Типологическая группа нейтральна в отношении тезисов о частной собственности, о социализме. В то же время ответившие близки к позициям кластера 3 в связи с вопросами о необходимости социальной защиты, отрицательных последствий реформ и полагают, что для России не существует особого пути развития.

Таким образом, полученная в результате классификации типология политического сознания состоит из шести кластеров. Статистически значимые группы, составляющие типологию, определены как «сторонники либеральных реформ», «умеренные реформисты», «сторонники социалистических идеалов», «скептики». Заметим, что распределения признаков: пол, возраст, профессиональная принадлежность не позволяют говорить в этом аспекте о существовании статистически значимых различий между кластерами.

Зафиксированы особенности отношения представителей различных типологических групп к действовавшим на политической арене силам. Опрошенным предложили перечень 18 наиболее заметных в период исследования политических организаций. Формулировка вопроса была следующей: «Ниже перечислены названия ряда партий, общественно-политических движений. Назовите те из них, основные идейные установки которых Вам знакомы».

Ведущими по уровню информированности населения на тот период являлись: наиболее известный общественно-политический блок движений демократических сил «Демократическая Россия», «Демократическая партия России», а также КПСС в совокупности ее отдельных платформ и течений. На это указали до 1/3 респондентов в различных социально-профессиональных группах.

Информированность респондентов об основных идейных установках общества «Память» составила 20%. О своей поддержке этой организации заявили 2,4%. Далее в ранжированном ряду следуют: «Объединенный фронт трудящихся» (10%), «Демократический Союз» (7%), «Российское христианско-демократическое движение» (6%). Невысок и уровень информированности о большей части новых заявивших о себе партий: «Социал-демократическая партия» (6%), «Республиканская партия России» (3%), «Социалистическая партия» (2%). Основные идейные установки движения «Единство», общества «Отечество» были известны 3%. В целом по массиву затруднились ответить 25% респондентов².

После группировки результаты ответа на вопрос «Идейные установки, позиции каких партий, общественно-политических организаций Вы поддерживаете?» выглядят следующим

² Следует иметь в виду, что Москва является своеобразным эпицентром развития многих политических процессов. Данные зафиксированы в период кампании по выборам Президента России. В целом ранжированный ряд партий и организаций с точки зрения информированности о них населения остается сходным с тем, что был зафиксирован в 1990 г.

образом. Поддерживали идейные установки организаций демократической ориентации 33%; патриотической ориентации — 5%; различные платформы и течения в КПСС — 20%. Не поддержали ни одну из предложенных в перечне организаций 42%.

Существовала определенная связь между зафиксированными ранее типами политического сознания и поддержкой организаций различной политической ориентации. В кластере 1 большинство (55%) поддерживали организации демократической направленности, 26% — ни одну из партий. В кластере 2 доля поддерживавших партии и организации демократической ориентации уменьшается до 37%, а доля не определивших своих партийных симпатий возрастает до 47%. В кластере 3 55% поддерживали различные течения в КПСС, и 23% респондентов не определились. Наиболее размытым в отношении поддержки различных политических сил является кластер 4. Здесь 34% поддерживали организации либеральной ориентации, 22% — КПСС, 39% не проявили партийных пристрастий. Доля респондентов, поддерживавших организации патриотической ориентации в различных кластерах сходна с данными по массиву в целом.

Пониманию особенностей политического сознания способствует изучение отношения опрошенных к различным печатным изданиям (именно в рассматриваемый период полемика между различными группами изданий зачастую приобретает форму противостояния).

В ходе анализа использован составной показатель, отражающий факт периодичности чтения того или иного издания в совокупности с доверием к нему. (Простые распределения переменных приведены в Приложении.)

Нами выделены следующие группы изданий (далее приведены только упомянутые в методике исследования):

1. «Известия», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Аргументы и факты», «Московские новости», «Куранты», «Литературная газета», «Российская газета», «Коммерсант», «Россия», «Собеседник», «Огонек».

2. «Правда», «Московская правда», «Советская Россия», «Гласность», «Рабочая трибуна», «Красная звезда».

3. «Литературная Россия», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Домострой».

Следует оговорить условность группировки. Однако для определения основных тенденций в конкуренции за влияние на аудиторию группировка кажется правомерной.

Использование процедуры перебора всевозможных вариантов сочетаний чтения и доверия респондентов к изданиям различных ориентаций показало доминирующее, с точки зрения охвата аудитории, положение изданий первой группы. Величина введенного нами показателя фиксирует, что доля тех, кто регулярно читал и доверял как минимум одному изданию, принадлежащему к этой группе, составляет в выборочной совокупности 50%.

Величина охвата аудитории изданиями второй группы составила 14%, третьей группы — 4%. Кроме того, 11% отметили, что не доверяют ни одному из перечисленных в методике изданий, 21% респондентов не дали ответа.

Типологические группы: некоторые общие характеристики

Наряду со спецификой, присущей тому или иному типу политического сознания, можно говорить и об их общих чертах. К таковым следует отнести условно говоря эмпирическую разорванность, логическую противоречивость политических представлений. Рассмотрим в этой связи зафиксированные в ходе исследования данные об отношении населения к реформам.

Одной из стабильных характеристик массового сознания последних лет является мнение людей о том, что особенно важно сделать для выхода из кризиса. Ведущей в ранжированном ряду оставалась позиция «активно проводить экономическую реформу». В целом за переход к рыночной экономике высказывалось в середине 1991 г. 2/3 москвичей. Обращают на себя внимание суждения респондентов о возможных последствиях перехода к рынку. Последние представляются весьма пессимистичными, если не противоречащими исходной посылке. Так, ухудшения своего материального положения ожидали 59%, дальнейшего развала экономики — 43%, потери работы — 42%.

Примерно то же зафиксировано и в ходе других исследований. «Большинство населения

связывает рыночную экономику с быстрым ростом цен, обесцениванием рубля, возникновением безработицы и снижением жизненного уровня. На первый взгляд, общественное мнение о рынке кажется нелогичным: спрашивается, если переход к рынку скорее всего приведет к отрицательным, а не положительным последствиям, то зачем его совершать?...» [4, с. 19].

Вряд ли существует единственно верное объяснение приведенных данных. Истина лежит где-то на пересечении различных подходов. «По-видимому логика заключается в том, что люди не видят другого пути преодоления возникшего кризиса, позиция же пассивного ожидания явно ведет к экономической катастрофе. В связи с этим значительная часть населения считает инфляцию, безработицу, рост социального расслоения и другие последствия рынка необходимой и неизбежной платой за выход „заблудившегося“ советского общества на проторенный путь цивилизованного развития и за обеспечение нормальной жизни хотя бы своим детям и внукам» [Там же].

Следует обратиться к выводам исследователей, сделанным применительно к развивающимся странам. Одна из особенностей политической культуры здесь состоит в том, что в условиях ограниченного экономического развития существует достаточно активная ориентация на высокие стандарты уровня жизни. Предметом ожиданий, особенно в западно-ориентированных группах населения является ускоренное экономическое развитие — процесс, предполагающий, по их мнению, нескончаемые социальные перемещения и широкое распространение нищеты как необходимое условие будущего процветания [5, р. 240].

Несколько иная интерпретация может быть предложена, если рассмотреть эмпирические данные с точки зрения проблематики культурно-нормативных стереотипов. В литературе отмечается, что при оценке объекта исследования респонденты зачастую основываются не на своих индивидуально-прагматических, а некоторых абстрактно-общезначимых приоритетах и мнениях. В контексте нашего обсуждения существенную роль может играть и явление «раздвоения» содержания стереотипа. «Один и тот же человек может высказать отрицательные оценки и одновременно иметь положительные установки по отношению к какой-либо ценности, исходя из противоречивых, но существующих в рамках индивидуального сознания „систем отсчета“ — нормативно-общезначимой и индивидуально-прагматической» [6, с. 175—176]. Опираясь на результаты проведенных ранее исследований, отмеченную противоречивость представлений людей правомерно связать также с необходимостью различения абстрактных ценностей и идеалов и инструментальных представлений относительно конкретных способов деятельности [7, с. 73—75].

Проблематика стереотипа соотносится, как известно, с разрабатываемой в рамках социальной психологии теорией социальных представлений. Причем с той стороны концепции, которая связана с изучением одной из базовых потребностей человека — потребностью понимания причинной связи явлений. Последнее, наряду с другими обстоятельствами, предполагает упрощение видения мира, создание так называемых «интуитивных теорий мироустройства» [8, р. 78]. Поэтому можно предположить, что активная реализация реформ и рынок, как важнейшие условия улучшения ситуации, составляют лишь одну из возможных «картин мира» в сознании людей. Последняя может и не пересекаться с той «картиной мира», где существуют инфляция, безработица и т.д. Вместе с тем, среди наиболее активной и потенциально готовой к серьезным социальным коллизиям части населения, реформы могли вполне осознанно не связываться с «ухудшением лично моего положения», «лично моей безработицей».

Другая интерпретация данных возможна, если учесть, что предмет концепции социальных представлений отчасти пересекается с проблематикой, разрабатываемой в рамках социологического анализа идеологий. Среди многочисленных подходов выделим те из них, где исходной является следующая посылка. Для различных типов современного социального устройства характерно неравенство в распределении власти и благ и, соответственно, наличие структур доминирования [9, р. 75].

Потребности доминирующих групп определяются, среди прочего, необходимостью поддержания своей «картины мира» и поддержания границ солидарности как условия доминирования. В данном случае важно, что функционирование идеологии связано с производством определенных версий реальности и латентных правил их восприятия. С этим связана и такая

особенность функционирования идеологии, как обеспечение возможности выражения, так и возможности «подавления» посредством исключения языковых практик из дискуссии.

В исследуемый период достаточно сложно было проартикулировать доминирующие и доминируемые идеологии, скорее о них следовало говорить как о противоборствующих. Тем не менее, данные об отношении населения к различным сторонам социального бытия могут рассматриваться как сопутствующие характеристики этого противоборства. Последнее может быть отнесено и к приведенным выше результатам конкуренции за внимание и доверие аудитории СМИ различной политико-идеологической направленности.

Другой широко распространенной чертой политического сознания в исследуемый период была устойчивость так называемого «черно-белого» видения явлений социальной действительности. Имеется в виду превалирующее в сознании многих представление о возможности решения стоящих перед обществом проблем с помощью простых и эффективных, радикальных по своей сути методов. Так, 81% опрошенных согласился с высказыванием: «Основная причина экономического провала перестройки состоит в том, что за относительно короткий срок не удалось сломать административно-командную систему, в половинчатости и нерешительности, отсутствии радикальности в действиях как в политике, так и в экономике». С другим клише перестроечной риторики — «экономика может быть либо рыночной, либо плановой, иного не дано» — полностью или частично согласны 76%.

При интерпретации приведенных данных могут быть использованы различные подходы. В качестве одного из них примем во внимание объяснение авторитаризма рабочего класса [10, р. 101]. Суть его, как известно, состоит в том, что представители рабочих предпочитают простые и ясные для себя решения. Прямое приложение данной посылки для объяснения нашей ситуации затруднено тем, что стремление к радикальному характерно для значительного большинства респондентов других социально-профессиональных групп. Видимо, здесь можно говорить о «пролетаризации» сознания, связанной с традициями оценки и решения проблем в советский период. Последнему, если рассмотреть достаточно внимательно, как раз и была присуща радикальная, «революционная» методология.

Приведенные выше эмпирические данные можно рассмотреть и в иной плоскости. В целом они отражают одну из распространенных характеристик общественных настроений последних лет — страстность в неприятии существующего, отказ в праве на существование многих ситуационно (а порой рационально) необходимых элементов социального бытия.

Заметим, что одним из перестроечных императивов было провозглашение «отказа от догм и мифов» застоя, советского периода, российской истории или в целом присущих нашему сознанию. Однако многие тенденции общественных настроений свидетельствуют, что пафос перемен оказался по-существу рядоположенным с сакрализацией многих его составляющих. Сознание людей продолжает оставаться мифологизированным, хотя «символ веры» и его элементы внешне претерпевают серьезные изменения. «По-видимому, общезначимым структурным законом в истории духовного развития следует считать то, что новые группы, вступающие в созданные ранее социальные условия, не принимают разработанные для этих условий идеологии, а пытаются приспособить к ним идеи, связанные с их собственными традициями. Это закон продолжающегося действия первоначальной идеологии» [11, с. 159].

Мы далеки от того, чтобы сводить проблему типологических свойств массового сознания исследуемого периода исключительно к последней посылке. Тем не менее, не лишенной оснований является точка зрения о том, что в политико-идеологическом аспекте особенности современных настроений так или иначе связаны с сохранением присутствия элементов, свойственных как замешанной на хилиазме (вере в тысячеletнее царство праведных, награду «униженных и оскорбленных») неудавшейся попытке построения нового общества, так и происходящей ныне трансформации к «сниженной разновидности того же хилиазма», в мифологии и истории многих народов известных под названием «культы карго»³ [12, с. 6].

³ Под «карго» здесь понимается вера в некое сказочное изобилие и беспечальное житие, которые настанут однажды вследствие прибытия столь же сказочного корабля («карго»), груженного заморскими товарами [Там же].

В рамках данного исследования мы не готовы к законченной интерпретации элементов «рацио» и «эмоцио» политико-идеологической сферы массового сознания. Заметим лишь, что одной из продуктивных возможностей видится использование идей социогисторической психологии [13]. В частности это касается понимания того, что за идеолого-политической, «событийной» историей скрывается ее глубинный источник — подчиненная особым закономерностям динамика коллективной ментальности.

В результате исследования определено несколько внутренних гомогенных групп, отличающихся политико-идеологическими представлениями. В пространстве выделенных признаков существуют типологические группы как с противоположными характеристиками (сторонники либеральных реформ, сторонники социалистических идеалов), так и занимающие промежуточное положение. Зафиксировано, что различным типологическим группам свойственны общие черты — противоречивость элементов политического сознания, устойчивость «черно-белого» видения социальной действительности.

Уплотнение текущего социального времени приводит к быстрому старению эмпирических данных. Тем не менее, фиксация характеристик, предшествующих переходу процесса в новое качественное состояние — важное условие понимания логики развития. В целом приведенные данные отражают спектр политических представлений, сложившихся в обществе (по крайней мере, в Москве, взрослое население которой выступало объектом эмпирического изучения) непосредственно перед событиями августа 1991 г. Последние, как известно, привели к качественно новой социально-политической ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современное политическое сознание США. М.: Наука, 1980.
2. Политическое сознание: особенности и тенденции. М.: Институт социально-политических исследований АН СССР, 1991.
3. SPSS Use» Guide. Chicago. SPSS Inc. Third edition. 1988.
4. Заславская Т.Н. Социализм, перестройка и общественное мнение // Социол. исслед. 1991. N 8.
5. Dowse R.E., Hughes J.A. Political sociology. New York: John Wiley and Sons, 1986.
6. Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986.
7. Попова И.М. Социальные представления в обыденном сознании // Социол. исслед. 1991. N 11.
8. Hogg M.A., Abrams D. Social identifications. New York: Routledge, 1988.
9. Thompson J.B. Studies in the Theory of Ideology. Cambridge: Polity Press, 1984.
10. Lipset S.M. Political Man. London: Heineman, 1959.
11. Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991.
12. Мяло К.Г. Время выбора. М.: Политиздат, 1991.
13. Феер Л. История и психология // Бои за историю. М.: Наука, 1991.

Приложение

Респондентам предлагалось ответить на вопрос «Какие из перечисленных ниже газет и журналов Вы регулярно читаете?». Приведенные в методике центральные и московские газеты и журналы с точки зрения величины их аудитории можно сгруппировать следующим образом (в скобках указаны данные о доверии к изданию. Формулировка вопроса: «Какие из тех газет и журналов, которые Вы регулярно читаете, пользуются у Вас наибольшим доверием (назовите не более 3-х):»

Лидируют среди газет: «Аргументы и факты» — 69% (35%), «Московский комсомолец» — 44% (15%).
Издания, которые регулярно читали от 20 до 25% респондентов: «Комсомольская правда» (10%), «Правда» (10%), «Известия» (7%), «Груд» (7%), «Московская правда» (7%), «Куранты» (5%).

Издания, которые регулярно читали от 10 до 15%: «Независимая газета» (5%), «Московские новости» (4%), «Советская Россия» (4%), «Собеседник» (3%).

Регулярную аудиторию (менее 10%) имели: «Литературная газета» 7% (2%), «Коммерсант» 6% (3%), «Гласность» — 6% (1%), «Рабочая трибуна» — 5% (2%), «Российская газета» — 5% (2%), «Красная звезда» — 4% (2%), «Россия» — 4% (1%), «Литературная Россия» — 3% (1%), «Домострой» — 1%.

Среди литературно-художественных журналов в авангарде «Огонек» — 24% (5%), «Юность» — 19% (2%), «Новый мир» — 18% (2%). Количество читателей других журналов, включенных в предложенный респондентам перечень, составило: «Знамя» — 6% (2%), «Наш современник» — 5% (2%), «Дружба народов» — 4% (1%), «Молодая гвардия» — 4% (1%), «Иностранная литература» — 4%, «Октябрь» — 3%.